

Русские тетради

Историко-политические анализы и комментарии

№ 52. Буэнос-Айрес, май 2020. XIV год издания.

Православная монархия

*«Времена изменились, и теперь стало необходимым выяснить себе **наши начала**, доказывать себе самим, что **наши начала отличны от иноземных**».*

Д. А. Хомяков «Православие, самодержавие, народность», Монреаль, 1983, стр. 106.

Определение **«православная монархия»** обозначает, что наша русская монархия в действительности является таким строем, который на Западе формально принято называть **«конституционной монархией»**, подразумевая под этим **«ограниченную монархию»**. С той лишь разницей, что **форма, способ и содержание этих ограничений иного порядка**. В то время, как западноевропейская политическая мысль ищет ограничения верховной власти путем формальных и условных урезываний её прав и полномочий и путем сокращения её привилегий, с целью их всё более широкого распространения на правящую элиту, при одновременном юридическом фиксировании этих урезываний и сокращений, русская политическая мысль подходит к этой проблематике с противоположной стороны, а именно со стороны **общественного служения, как верховной власти, так и вообще всех властей, каковое требует отчета перед Богом, перед людьми и перед собственной совестью**.

Православный монарх ограничен прежде всего своей собственной христианской совестью, и тысяча лет нашей истории нам эмпирически подтверждают, что эта совесть одного человека вернее многих юридических формальностей. Но, в дополнение, православный монарх ограничен учением и дисциплиной Христовой Церкви, значение и силу каковых и сравнивать нельзя с никакими надуманными человеческими учреждениями или оговорками.

В высшем юридическом смысле, православный русский государь, со времён Святого Владимира, не мог принять никакого трансцендентного государственного решения без совета с Церковью. Идеал созвучности (симфонии) законности в государстве со святостью в Церкви, провозглашенный императором Юстинианом Великим в его Шестой новелле, как высшее обеспечение политического блага, привел на Руси к постоянной взаимной связи между ними. Эта взаимная связь «создала обычай со времен Св. Владимира приглашать на совет высших церковных иерархов.

Об этом политическом значении церковной иерархии московские послы говорили полякам уже в 1610 году. Официальная формулировка московскими послами этого нашего «конституционного» начала гласила: **«Изначала у нас в Русском царстве так велось, если великия государственныя или земские дела начнутся, то великие государи призывали к себе на собор патриархов, митрополитов и архиереев и с ними о всяких делах советовались, без их совета ничего не приговаривали».** (М. В. Зызыкин «Патриарх Никон», Варшава, 1938 г., стр. 9).

Посему, с конституционной точки зрения Российского Государства, спровоцированное отречение Государя Императора Николая Второго не было действительным, ибо оно не было совершенно с предварительным согласием с Русской Церковью, не говоря уже о том, что вообще в нашем политическом строе не существовало юридической фигуры отречения.

Против такого православного возглавления Верховной Власти в Российском Государстве можно выдвинуть только лишь два возражения (кроме, конечно, чисто враждебных возражений по отношению к православию и к России вообще):

1. Нехорошо, неправильно и невозможно навязывать верховной власти всего государства одну религиозную веру или идею.

2. Вообще, такая верховная власть, с религиозно-мистическим фундаментом, в наши дни никак не подходит.

Однако, если ближе к ним присмотреться и лучше в них разобраться, эти два возражения не выдерживают ни малейшей критики. И в наши дни не только успешно продолжают существовать, но и наново основываются государства с верховной властью (да и не только верховной), морально и юридически связанной с определенными религиозными или мистическими верованиями и вытекающими из них мировоззрениями, не только не разделяемыми всем населением данного государства, но даже и его большинством. Причем, такое юридическое сцепление верховной власти с определенными религиозными верованиями можно наблюдать в самых разнообразных режимах.

В Англии мы наблюдаем ряд курьезных положений: её государственный режим считается **конституционной монархией**, но она не имеет писаной конституции; её глава государства является одновременно и **главой** Англиканской Церкви (что, с христианской точки зрения, считается ересью), к которой **не принадлежит большинство населения** ни в самой Англии, ни во всём Британском содружестве; и, кроме того, этот же глава государства, несмотря на такое возглавление Англиканской Церкви, всё же являющейся Христианской, как бы «экс-офисо» занимает почетное ведущее место в иерархии одной весьма сильной нехристианской мистериальной корпорации, каковую тоже никак нельзя отождествить с большинством населения. В верхней палате парламента Англии, в Палате Лордов, участвуют «экс-офисо» 26 «духовных лордов» (**lords spiritual**), т. е. архиепископов и епископов Англиканской Церкви.

В некоторых американских республиках, глава государства формально по конституции должен принадлежать к римо-католической Церкви, как, например, это было до недавнего времени в Аргентине, несмотря на провозглашение той же конституцией полной свободы вероисповедания (Конституция Аргентинской Республики 1853 года по форме и по духу была весьма похожа на конституцию США, за некоторыми исключениями, в том числе и этого предписания, касающегося вероисповедания президента республики). В других американских республиках, по традиции, принятие власти новым президентом неизбежно сопровождается известными символическими ритуалами или жестами, чисто мистериального характера, тоже отнюдь не разделяемыми большинством населения.

В Японии император принадлежит к шинтоизму, религии не объединяющей большинство населения этой страны, что отнюдь ему не препятствует быть и сегодня символом единства всей нации.

Никому и никогда в голову не приходило требовать от мусульманских стран, представляющих значительную часть всех государств, составляющих ООН, чтобы они

произвели полное отделение своих – весьма разнообразных – политических режимов от магометанской религии.

В свою очередь, такое современное государство, как Израиль (именно государство, так как оно не определяет себя ни как республика, ни как монархия), связано многочисленными и многообразными способами с иудейской религией. Относится это не только к общим государственным символам, к её властям – особенно судебным, – но и ко всему государственному законодательству, имеющему, как таковое, нормативно-принудительную силу по отношению ко всему населению, а не только по отношению к иудеям. Как известно, в Израиле живут как евреи, так и христиане, магометане, и даже просто атеисты. (Между прочим, израильское законодательство передает в руки ортодоксального Раввина решение о том, кто может стать евреем, а также отрицает право продолжать себя считать евреем всякому еврею, перешедшему в другую веру, за исключением того случая, если еврей станет просто атеистом). Но и неверующие евреи могут заключать только религиозные браки. Как верующие, так и неверующие евреи считают еврейскую религию не только лишь простой религией, но и национальной культурой и народной историей своей страны, в чем они, конечно, правы.

Точно так же и **православие является народной культурой, историей и духовным стержнем России**. Посему, всякое стремление удалить православие из общественно-политической жизни нашей страны является просто грубой и нахальной попыткой врагов России нанести ей самый существенный и максимальный ущерб. Значит, исходя из вышесказанного, очевидно, что оппозиция по отношению к любой связи между Православием и Русским Государством не исходит из принципиального неприятия связи между религией и государством вообще, а из неприятия связи именно с Православием.

В жизни православной Церкви, по её учению, принимают полное участие и миряне. Высшим представителем мирян в Христовой Церкви, со времен Святого Константина Великого, был Православный Царь, – не как глава Церкви, как это с еретическим уклоном истолковано в Англии, – а как **староста и нотариус Вселенской Церкви** (с правом обнародования церковных законов, но без церковного законодательного права), как блюститель внешнего в ней порядка и благолепия, и как представитель мирян в их традиционном праве участвовать в выборе епископата. Алексей Хомяков сформулировал предельно четко эти функции Православного Царя, называя его **«народоначальником в делах церковных»**, в своей статье *«Несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях»*, впервые вышедшей на французском языке в Париже в 1853 году (Алексей Хомяков, «Избранные сочинения», Изд. Им. Чехова, стр. 234-236).

Кроме того, эта роль православного монарха весьма удачно совпадает с обще-исторической ролью монархии вообще, как носительницы не только верховной, но и **высшей судебной власти**. Как известно, судебная власть, даже в чисто выборных политических режимах, не всегда выбираема, и даже очень часто является несменяемой и пожизненной. На перспективу слияния верховной власти с судебной в свое время указал Отто Габсбургский. (Эта перспектива была разобрана в № 1049 «Нашей Страны» от 21 марта 1970 года, в статье *«Монархия будущего»*).

В будущей России роль монарха, как несменяемого и пожизненного возглавителя Высшей Судебной Власти, наряду с остальными его прерогативами, не только бы обеспечила правовой порядок в нашей стране, в том числе и предохраняя её от нового партийно-идеологического рабства, но и исполнила бы изначальное, у самых наших государственных истоков свободно выявленное, народное желание **«правления по праву»**. Совпадая в этом с нашим религиозно-мистическим воззрением на истинную природу и миссию царской власти: **«Царь, сидящий на престоле суда, разгоняет очами своими всё злое»** (Притч. 20, 8).

(«Наша Страна» № 1717, от 18 июня 1983 г.).

И. Н. Андрушкевич

Удерживающий от беззакония

Владимир Мономах, «архонт всея Земли Русской», прообраз русского Верховного Правителя России

Русская монархия в течение многих веков считала своими высшими регалиями **«Шапку и Бармы Мономаха»**. **Владимир Мономах** (1053 – 1125), великий князь киевский и **«архонт всея Земли Русской»**, как он сам себя величал, был внуком по матери Константинопольского Императора Константина IX Мономаха и внуком Ярослава Мудрого, автора первого свода законов России, известного под именем **«Русской Правды»**, и правнуком Владимира Святого.

Константинопольский Император Константин IX Мономах известен тем, что в 1054 году отпустил на волю и позволил им уплыть безнаказанно обратно в Италию двум римокатолическим епископам, оскорбившим Константинопольского патриарха и возложившим на Престол Святой Софии его отлучение, якобы от имени уже скончавшегося Папы Римского. Этот инцидент и явился началом раскола между Западной и Восточной Церквями. Кроме того, император Константин IX Мономах реформировал первый университет в мире – Константинопольский, основанный еще Константином Великим, а затем расширенный в 425 году императором Феодосием II.

Значение Владимира Мономаха в русской истории было исключительным. Первое в России **царское венчание**, то есть **коронование царским венцом**, Дмитрия Ивановича (внука Ивана III) в 1498 году, а также и царское венчание первого в полном смысле слова царя, Ивана Васильевича Грозного, в 1547 году, символически совершались путем возложения на них **Шапки и Барм** (наплечников), которые всегда относились к **великому князю Владимиру Мономаху**.

Владимир Мономах родился в 1053 году, за полтысячелетия до коронования Ивана Грозного и за год до раскола между западной и восточной частями, тогда еще для всех христиан общей Церкви, за год до смерти своего деда Ярослава Мудрого и за 400 лет до падения Константинополя. То была совсем другая историческая эпоха. Христианский мир еще был единым. **В Византии еще сияла великая культура, являя собой освященный православием синтез всех культур классической древности**. Русь еще была свободна, самобытна и не знала никаких травм: **«Киевская Русь со своим стольным городом Киевом вошла в историю России с ореолом славы, с памятью благоденствия, с нимбом святости. Воздухом, светом залита пленительная панорама Киевской Руси: свободой, простором веет от нея»**. (Архимандрит Константин).

Русский народ любил Владимира Мономаха. Любил до того, что в своем творчестве иногда смешивал фигуру Владимира Мономаха с фигурой его прадеда, Владимира Святого. Летописец говорит о его кончине (19-го мая 1125 года): **«Преставился благоверный князь, христоробивый и благочестивый великий князь всея Руси Владимир Мономах, который просветил Русскую Землю, словно солнце испуская лучи; весть о нем прошла по всем странам»**. Но и в московское время, русский народ хорошо помнил Владимира Мономаха. В народной легенде XV века, о получении Владимиром Мономахом царских регалий в Византии, рассказывается **«поставление великих князей русских откуда бе, и како начаша ся ставити на великое княжение святыми бармами и царским венцом»**.

В лето 6622 (1114 год после Р. Х.), говорит легенда, Владимир Мономах **«начал совет творити со князи своими и с боляры и с вельможы»**, о том как князь Олег, а потом и Всеслав Игоревич ходили на Царьград. (Интересно отметить эту «конституционную константу» нашего политического строя: глава государства всегда **«творит совет»** перед

каждым, даже личного характера, решением. Он не обязан точно следовать полученному совету, но он **не может ничего решать до получения совета** от высших государственных руководителей. **Глава государства должен воплощать соборные решения.** (В свете этого, отречение Государя Императора Николая II, материально не имевшего возможности располагать таким соборным советом, является конституционно неполноценным).

После совещания, князь Владимир *«совокупи многи тысяща воинств и отпусти их на Фракию Царяграда области... Тогда бе во Цареграде благочестивый царь Константин Мономах, и в то время брань имея с Персы и с Латины. И составляет совет благ премудрый царский, отряжает убо послы своя к великому князю Владимиру Всеволодовичю... От своя же царския вяя снимает животворящий Крест от самого животворящего Древа, на немже распята владыка Христос, снимает же от своя главы царский венец и поставляет его на блюде злате; повелевает же принести крабейцу сердоликову, из неяже Август царь Римский веселящися, посылает же и ожерелие, сиречь святыя бармы, иже на плещу своя ношаша...».*

Византийский царь так обращается, согласно легенде, к русскому князю: **«Прими от нас сия честныя дарове на славу и честь на венчание твоего вольного и самодержавного царствия великия Росии, да нарицаешися благовенчанный царь, венчая сим царским венцом».** (Легенда путает лица: византийский император Константин Мономах был дедом по матери Владимира Мономаха, поход же на Византию предпринял в 1043 году Владимир Ярославич, дядя Владимира Мономаха).

В этой легенде бросается в глаза желание подчеркнуть самостоятельное, т. е. самобытное решение Руси получить для себя знаки высшей государственной власти и высшего государственного достоинства. Причем даже прибегается к утрированию этого лейтмотива нашей политики: знаки высшего государственного достоинства Руси добываются в результате применения силы, с оружием в руках. Опять бросается в глаза параллель с Владимиром Святым, который тоже самостоятельно, после свободного выбора, принимает Православие для Руси. В обоих случаях летописец подчеркивает внешнее обрамление этих исторических событий: военный поход на Византию заставляет её отдать замуж за Владимира Святого свою царевну Анну, так же, как полвека спустя такой же поход заставляет ту же Византию отдать вторую царевну Анну замуж за Всеволода Ярославича, отца Владимира Мономаха.

Невольно слышится в этом повторении одного и того же мотива (быть может, больше символического, чем исторического) как бы некоторое предупреждение для всей дальнейшей русской политики: **ничего, даже наилучшего и даже желанного, не принимать по чужому соизволению, но по собственному решению и разбору.**

Также обращает на себя внимание стремление сказания связать судьбу государственных регалий, получаемых Владимиром Мономахом, с судьбой древнего Рима и лично с судьбой Кесаря Августа. На наш современный взгляд, затуманенный идеологизмами, это может показаться преувеличением и натяжкой, но по существу это полностью соответствует глубокой исторической правде. **Византийская государственность была римской государственностью, и даже чисто формально Константинополь был Новым Римом, как гласили даже патриаршие печати на официальных бумагах, присылаемых в Киев, Митрополию России.** Позже, во время избрания Михаила Федоровича Романова на царский престол, Земский Собор снова отмечает эту связь русской царской власти с римской государственностью и с Кесарем Августом. Что это значит? Признание чужого превосходства, могут сказать норманисты: поэтому в свое время призвали варягов, а теперь призывают римский авторитет. Но, как мы выше видели, наши предки особенно подчеркивали свою **политическую независимость**, так что такое преклонение было бы с их стороны просто непонятным.

При подходе к таким историческим проблемам необходимо придерживаться прежде всего самих исторических фактов, последовательно чередующихся и развивающихся. Ведь наши предки без всякого зазора выводили свою государственную символику из Византии, точно так же, как византийские греки без всякого зазора её выводили из Рима, в то время

как древние римляне без всякого зазора ее выводили от Энея, легендарного героя Трои, и даже от своих врагов этрусков. А римлян в политическом комплексе малоценности никак обвинить невозможно, хотя из восьми их царей (включая со-царствовавшего с Ромулом Тита Тация) **пять были чужеземцами!** Один из них, Тарквиний Древний, так прямо и говорит римскому народу, что он *«не первый из чужеземцев (чему всякий мог бы дивиться или негодовать), но третьим притязает на царскую власть в Риме: и Таций из врага даже – не просто из чужеземца – был сделан царем, и Нума, не знакомый с городом, не стремившийся к власти, самими римлянами был призван на царство...»* (Тит Ливий).

Может быть в этих словах – **«не стремившийся к власти»** – и **лежит подсознательный психологический и юридический ключ для полного расшифрования понятия легитимной власти. Власть, самолично добываемая, не полноценна. Легитимная власть не должна исходить ни из внутренней перетасовки, ни из личных манипуляций стремящихся к ней.**

Если принять во внимание, что в конечном итоге субъектами истории являются культуры (или, как говорит Тойнби, «цивилизации»), то нужно учесть, что есть два основных типа этих культур: трансцендентные и нетрансцендентные. **Трансцендентные культуры ставят свои истоки и свои цели вне самих себя, над собой,** в то время как нетрансцендентные (**имманентные**, как говорит Грамши) культуры замыкают сами в себе и свою отправную точку, и все свои цели и устремления. Христианская культура – типичная трансцендентная культура, в то время как современная чувственная культура («сенсориальная», как её называет Питирим Сорокин) является типичным примером нетрансцендентной культуры.

В связи с этим, можно предположить наличие двух типов легитимности, в зависимости от того, к какой культуре эта легитимность относится. У трансцендентных культур легитимность тоже будет трансцендентна, и своими истоками, и своими задачами. Другими словами, **власть даже будет более легитимна, если она не зависит от внутриобщественных комбинаций, лишь бы она служила высшим ценностям и целям, стоящим над самим обществом.** Так и был выбран, согласно Титу Ливию, второй римский царь Нума Помпилий: *«В те времена славился справедливостью и благочестием Нума Помпилий. Он был величайшим, насколько тогда это было возможно, знатоком всего божественного и человеческого права...».*

Легитимность власти, таким образом, оправдывается, во-первых, своим не узурпаторским происхождением (при смерти, отец Мономаха, князь Всеволод, говорит сыну: *«аще ты подасть Бог прияти власть стола моего, по братьи своей, с правдою, а не с насильем»*) и, во-вторых, своим полным **подчинением тем ценностям и целям, которые весь народ соборне считает для себя высшими.** Кроме того, все человеческие общества, по своей природе, имеют главной задачей **обеспечить своих членов от беззакония.** Это и есть **основная функция легитимной власти.**

Владимир Мономах был высшим проявлением идеи легитимности в русской политике, потому что он сознательно и открыто проповедовал необходимость **сопротивления беззаконию, на почве нравственности.**

Тут можно провести еще одну параллель со Святым Владимиром: в основе народной любви к обоим князьям лежит их **глубокая нравственность.** Святой Владимир нравственно преобразился через принятие новой веры. Владимир Мономах уже родился в новой вере и не нуждается в преображении, но он крепко стоит на нравственной почве своего прадеда. (*«Укрощенный добрыми нравами»*, – говорит про него летописец).

Величайшим памятником не только нашей русской литературы, но и государственности, является **«Поучение»** Владимира Мономаха своим детям, где он в самом начале, перефразируя Псалмы, указывает: **«Не ревнуй злодеям, не завидуй делающим беззаконие, ибо делающие зло истребятся, уповающие же на Господа наследуют землю».** А дальше, уже выходя за рамки права и нравственности, Владимир Мономах переходит (почти **900 лет тому назад!**) к **«социальной программе»:** **«Всего же**

более, убогих не забывают, но насколько можете по силам кормите и подавайте сироте и вдовицу оправдывайте сами, а не позволяйте сильным погубить человека».

Больше того, Владимир Мономах касается в своем «Поучении» и «гуманности», и «человеческих прав» в настоящем, христианском смысле: *«Ни невинного, ни преступного не убивайте ни велите убивать; хотя и будет достоин смерти, не губите никакой христианской души».* «Милостив же быше паче меры, поминая слово Господне», – говорит про Мономаха летописец.

Вот где корень непонятного иногда милосердия русской легитимной исторической власти, по отношению даже к своим врагам! Много веков спустя, царь Александр II юридически отчеканит эту мысль: *«суд скорый, правый, милостивый и равный для всех».*

Высшим, трансцендентным оправданием всякой власти является **«удерживание от тайны беззакония в действии».** (2. Солун. 2, 7). На этом, **на праве, на законе и на свободе от беззакония,** а не на привилегиях, правах и свободах во множественном числе зиждилась основная идея русской исторической власти, начиная со святого Владимира, святого Владимира Мономаха и святого Александра Невского.

Носитель Верховной Власти должен быть **Удерживающим от беззакония, «устрояющим словеса на суде, хранящим истину в веки, творящим суд и правду по среде земля»**, как говорит митрополит Никифор в своем послании Владимиру Мономаху.

В наши дни безудержного натиска беззакония, такое определение основных задач верховной власти становится снова весьма актуальным.+

И. Н. Андрушкевич

Предыдущие номера Русских тетрадей:

- № 38, январь 2018: **Периодические циклы в природе, истории и экономике**
- № 39, март 2018: **Пути, распутия и тупики Западной цивилизации**
- № 40, февраль 2019: **Симфония при отделении государства от Церкви**
- № 41, апрель 2019: **Долгое Государство Российское**
- № 42, июнь 2019: **Кризис клептократий**
- № 43, август 2019: **Необходимость восстановления полной легитимности власти**
- № 44, сентябрь 2019: **Две Библейские концепции**
- № 45, ноябрь 2019: **Закат фаустовской цивилизации**
- № 46, декабрь 2019: **Сущность современных идеологий**
- № 47, февраль 2020: **Справедливость зависит от согласия с соборным правом**
- № 48, февраль 2020: **Качественность конституций зависит от их происхождения**
- № 49. Март 2020: **Аграрные вопросы в исторической перспективе**
- № 50. Апрель 2020: **Россия до Катастрофы, по Менделееву**
- № 51. май 2020: **Православие, Византия, англосаксы**

Русские тетради. Историко-политические анализы и комментарии.

№ 52. Буэнос-Айрес, май 2020 года. XIV год издания. Издается на правах рукописи.

Учредитель, издатель и редактор: И. Н. Андрушкевич. **Корректор:** О. Н. Жерехова.

При использовании и перепечатке материалов **ссылка на источник обязательна.**

Почтовый адрес: I Andruskiewitsch. Calle Entre Rios 2628. 1653, Villa Ballester. Argentina.

Эл. адрес: kadetpismo@hotmail.com **Блог:** <http://i-n-andruskiewitsch.blogspot.com.ar>